

Вестник

Томского государственного

университета

№ 357

Апрель

2012

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Майер Г.В., д-р физ.-мат. наук, проф. (председатель); **Дунаевский Г.Е.**, д-р техн. наук, проф. (зам. председателя); **Ревушкин А.С.**, д-р биол. наук, проф. (зам. председателя); **Катунин Д.А.**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **Аванесов С.С.**, д-р филос. наук, проф.; **Берцун В.Н.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Гага В.А.**, д-р экон. наук, проф.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Глазунов А.А.**, д-р техн. наук, проф.; **Голиков В.И.**, канд. ист. наук, доц.; **Горцев А.М.**, д-р техн. наук, проф.; **Гураль С.К.**, д-р пед. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Демин В.В.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Ершов Ю.М.**, канд. филол. наук, доц.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кривова Н.А.**, д-р биол. наук, проф.; **Кузнецов В.М.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Портнова Т.С.**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **Потекаев А.И.**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Пчелинцев О.А.**, зав. редакционно-издательским отделом ТГУ; **Сахарова З.Е.**, канд. экон. наук, доц.; **Слизов Ю.Г.**, канд. хим. наук, доц.; **Сумарокова В.С.**, директор Издательства ТГУ; **Сущенко С.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Тарасенко Ф.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Татьянин Г.М.**, канд. геол.-минер. наук, доц.; **Унгер Ф.Г.**, д-р хим. наук, проф.; **Уткин В.А.**, д-р юрид. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.; **Шрагер Э.Р.**, д-р техн. наук, проф.

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Галажинский Э.В., д-р психол. наук, проф.; **Гураль С.К.**, канд. филол. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.

Журнал «Вестник Томского государственного университета» включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» (http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1931–1941 гг.

На основе обработки сведений, хранящихся в базах данных лиц, репрессированных по политическим мотивам в субъектах региона в рамках современного административно-территориального деления, рассмотрен вопрос наличия «национального фактора» при организации и проведении массовых репрессий в Западной Сибири в 1920–1941 гг. Показаны нарушения прав советских граждан в процессе их необоснованных арестов, надуманность предъявляемых обвинений в принадлежности к «контрреволюционным» организациям с учётом их национальной принадлежности.

Ключевые слова: политические репрессии; национальный состав репрессированных; Западная Сибирь.

Национальный вопрос в многонациональном советском государстве всегда привлекал внимание исследователей, в частности, при изучении массовых репрессий периода 1920 – начала 1950-х гг. Во многих случаях эти исследования ограничивались рассмотрением положения отдельных национальных групп (Л. Белковец, В. Ханевич и др.) либо изучением отдельных направлений проведения репрессий, где ярко проявлялись национальные особенности репрессуемых (А. Савин). В данной работе впервые предпринята попытка рассмотреть эту проблему в рамках западно-сибирского региона.

Жернова машины репрессий перемололи миллионы наших сограждан, так как на протяжении практически всего советского периода осуществлялось преследование, а часто и прямое физическое уничтожение лиц, отнесённых большевистским руководством страны к числу неугодных.

Первую группу репрессированных составили представители царского и «белых» режимов: чиновники разных уровней, политическая и финансово-промышленная элита, военные и жандармско-полицейский корпус, интеллигенция. В другую группу вошли представители общественно-политических партий и движений, чьи взгляды на переустройство России не совпадали с позицией большевиков. Позднее к этой группе были причислены «оппозиционеры» из числа членов большевистской партии.

Особое место среди неугодных занимало духовенство, обладавшее огромнейшим влиянием на население в силу сложившихся многовековых традиций. Большевикам в условиях коренной ломки устоев общества в борьбе за «паству» с целью утверждения новых морально-нравственных и идеологических принципов необходимо было разорвать эти устоявшиеся связи между духовенством и населением страны. Сделать это можно было только путём прямого преследования, вплоть до физического уничтожения. Одной из наиболее многочисленных групп противников режима стало зажиточное крестьянство, притеснение которого позволяло большевистскому руководству на протяжении более чем десятилетия после Октябрьского переворота решать задачу сохранения своего режима. Ещё одну группу представляли уголовные элементы и люмпенизированная часть населения, не позволявшие успешно продвигаться советскому государству к «светлому будущему».

По мере построения социализма в стране репрессии по отношению к представителям этих групп то затихали, то активизировались с новой силой. В их преследовании определяющими факторами оставались принадлежность к названным социальным группам либо социальное по-

ложение в прошлом. В частности, по этой причине до начала Большого террора национальная принадлежность репрессуемых практически не учитывалась. Так, например, на территории современных Алтайского края и Томской области в период 1920–1930-х гг. выделить какую-либо избирательность невозможно. В результате обработки базы данных на репрессированных жителей Томской области и сведений, опубликованных во 2–4-м томах книги «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае», установлено, что на территории современной Томской области и Алтайского края среди пострадавших были представители 24 и 25 национальностей соответственно. Основным контингентом стало русское население и население, преобладавшее в данных местностях. На Алтае это было выражено более ярко, вслед за русскими (со значительным отрывом) больше других там пострадали украинцы и немцы.

В 1930-е гг. число представителей национальностей, попавших в жернова репрессий, значительно расширилось – в Томской области их оказалось уже 53. На Алтае были репрессированы представители 43, а в Кузбассе – 42 национальностей и народностей. (Всего на территории Западной Сибири в указанный период проживали представители более ста национальностей и народностей.) У значительного числа репрессированных жителей Алтайского края национальная принадлежность чётко определена не была, о чём свидетельствует строка таблицы «не указано». В Томской области также у нескольких десятков человек не было чёткого определения национальной принадлежности – в анкетах и протоколах допросов в графе «Национальность» было указано «инородец», «казак», «туземец», «магометанин», «чулымец», «ясачный – не бурят» и т.п. У некоего М.И. Богрянова в данной графе записано, что он «национальный вопрос не разделяет». Но если в Томской области подобная ситуация была характерна для начала 1920-х гг. и тогда принадлежность к какой-либо национальности определялась по каким-либо вторичным признакам, то на Алтае неопределённость национальной принадлежности проявилась в 1930-е гг. Но в целом эта погрешность не могла кардинальным образом повлиять на общую тенденцию (см. табл. 1) [1. С. 268].

В годы Большого террора уже чётко просматривалась национальная принадлежность репрессированных. Вызвано это было, в частности, так называемыми линейными арестами. По линии НКВД СССР оперативным подразделениям были отданы 12 приказов о проведении репрессий в отношении лиц конкретных национальностей. Такие приказы были по полякам, немцам, латышам, эстонцам, «харбинцам» и представите-

лям некоторых других национальностей [2. С. 273]. Все они попадали в жернова репрессий в первую очередь потому, что государства, в которых данные национальности являлись преобладающими, на протяжении ряда лет официально признавались противниками Советского Союза и, по предположению советского руководства, должны были иметь как минимум свою агентуру на территории СССР.

Что касается 1 269 785 заключённых ГУЛАГа, то, по данным на 1 апреля 1940 г., их национальный состав выглядел следующим образом: русские – 767 553 (60,4%), украинцы – 179 951 (14,1%), белорусы – 45 623 (3,6%), татары – 26 175 (2,06%), узбеки – 25 040 (2,0%), казахи – 21 301 (1,6%), евреи – 20 820 (1,6%), немцы – 18 149 (1,43%), поляки – 15 621 (1,23%), грузины – 11 122 (0,87%), армяне – 10 858 (0,85%), азербайджанцы – 10 599 (0,83%), туркмены – 9 855 (0,78%), латыши – 4 978 (0,39%), башкиры – 4 765 (0,38%), таджики – 4 522 (0,36%), китайцы – 4 034 (0,32%), киргизы – 2 808

(0,22%), корейцы – 2 707 (0,21%), эстонцы – 2 601 (0,2%), финны – 2 294 (0,18%), буряты – 1 891 (0,15%), иранцы – 1 475 (0,11%), литовцы – 1 009 (0,08%), румыны – 389 (0,03%), афганцы – 334, монголы – 128, японцы – 20, прочие национальности – 61 706 (4,86%), без указания национальности – 11 457 чел. (0,9%). Гражданами СССР из этого числа заключённых являлись 1 261 029 чел., 4136 были иностранными подданными, а у 4620 чел. подданство указано не было [3. С. 322–323].

В табл. 2 представлены количественные показатели репрессированных *наиболее многочисленных национальностей* на территории современных Томской и Кемеровской областей и Алтайского края в 1931–1941 гг. В основу таблицы положены результаты Всесоюзной переписи населения 1939 г. и данные автоматизированных баз данных репрессированных жителей названных регионов (в Новосибирской области такая база отсутствует, а Управлением ФСБ РФ по Омской области в предоставлении сведений было отказано).

Таблица 1

Национальный состав репрессированных на территории современных Томской и Кемеровской областей и Алтайского края (1920–1941 гг.)

Национальность	Численность репрессированных в 1920–1930 гг., чел.				Численность репрессированных в 1931–1941 гг., чел.				Всего человек
	Том. обл.	Алт. край	Кемер. обл.	Всего	Том. обл.	Алт. край	Кемер. обл.	Всего человек	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Русские	1 934	3 706	1 655	7 295	10 523	20 542	27 787	58 852	66 147
Поляки	59	11	24	94	1 381	834	2 100	4 315	4 409
Украинцы	53	334	108	495	895	2 545	3 390	6 830	7 325
Белорусы	39	21	30	90	544	759	1 147	2 450	2 540
Немцы	22	147	17	186	479	2 443	2 159	5 081	5 267
Латыши	14	5	12	31	440	263	868	1 571	1 602
Евреи	56	13	7	76	330	126	385	841	917
Эстонцы	19	3	14	36	228	229	615	1 072	1 108
Татары	22	4	–	–	167	46	300	513	–
Литовцы	7	1	2	10	83	43	150	276	286
Финны	–	–	–	–	83	18	80	181	–
Карелы	–	–	–	–	81	1	143	225	–
Корейцы	1	–	–	–	79	57	157	293	–
Китайцы	1	3	–	–	72	163	229	464	–
Мордва	–	26	–	–	66	227	400	693	–
Чуваши	–	3	–	–	58	21	–	–	–
Армяне	1	–	–	–	52	15	–	–	–
Чехи	2	1	–	–	31	20	–	–	–
Австрийцы	1	–	–	–	29	52	–	–	–
Венгры	3	–	–	–	21	84	–	–	–
Грузины	1	–	–	–	23	44	–	–	–
Молдаване	–	–	–	–	24	18	–	–	–
Селькупы	12	–	–	–	10	–	–	–	–
Греки	1	–	–	–	18	11	–	–	–
Румыны	1	1	–	–	17	26	–	–	–
Болгары	–	–	–	–	17	16	–	–	–
Башкиры	–	–	–	–	16	–	–	–	–
Буряты	–	–	–	–	9	1	–	–	–
Сербы	2	–	–	–	6	3	–	–	–
Марийцы	–	1	–	–	7	–	–	–	–
Хакасы	–	–	–	–	6	–	–	–	–
Удмурты	–	1	–	–	4	5	–	–	–
Кабардинцы	–	–	–	–	4	–	–	–	–
Цыгане	1	–	–	–	3	1	–	–	–
Коми	–	1	–	–	3	5	–	–	–
Черкесы	–	1	–	–	3	–	–	–	–
Словаки	–	–	–	–	3	–	–	–	–
Итальянцы	1	–	–	–	1	4	–	–	–
Казахи	–	1	–	–	2	103	63	168	–
Калмыки	–	1	–	–	2	–	–	–	–
Хорваты	–	1	–	–	2	–	–	–	–

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Осетины	–	–	–	–	2	1	–	–	–
Шведы	–	–	–	–	2	–	–	–	–
Якуты	–	–	–	–	2	–	–	–	–
Японцы	–	–	–	–	2	–	–	–	–
Узбеки	–	–	–	–	2	–	–	–	–
Киргизы	–	4	–	–	1	6	–	–	–
Алтайцы	–	3	–	–	1	18	–	–	–
Англичане	–	–	–	–	1	–	–	–	–
Датчане	–	–	–	–	1	–	–	–	–
Норвежцы	–	–	–	–	1	–	–	–	–
Ногайцы	–	–	–	–	1	–	–	–	–
Черногорцы	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Чеченцы	–	–	–	–	1	–	–	–	–
Югославы	–	1	–	–	–	–	–	–	–
Турки	–	–	–	–	–	4	–	–	–
Французы	–	–	–	–	–	2	–	–	–
Кумандинцы	–	–	–	–	–	7	–	–	–
Лезгины	–	–	–	–	–	2	–	–	–
Швейцарцы	–	–	–	–	–	2	–	–	–
Уйгуры	–	–	–	–	–	1	–	–	–
Шорцы	–	–	–	–	–	1	151	152	–
Телеуты	–	–	–	–	–	1	–	–	–
Не указано	–	106	–	–	–	961	–	–	–
Всего:	2 254	4 400	–	–	15 839	29 731	–	–	~90 000

Примечание. Данные по Томской области на 1 июля 1941 г. Источник: Подсчитано автором по результатам обработки баз данных репрессированных жителей Томской области. По Алтайскому краю осуществлялась выборка на основе обработки опубликованных в Книге памяти «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае» статистических сведений. Сведения по Кемеровской области предоставлены к.и.н. В. Онищенко.

Таблица 2

**Национальный состав репрессированных
на территории современных Томской и Кемеровской областей и Алтайского края (1931–1941 гг.)**

Националь- ность	Численность национально- стей на террито- рии Западной Сибири, чел.	Численность национальностей в Новосиб. обл. и Алт. крае, чел.	Количество репрессированных, чел.				% от обще- го числа репресси- рованных в Новосиб. обл. и Алт. крае	% от обще- го числа репресси- рованных в Том. и Кемер. обл. и Алт. крае
			Том. обл.	Кемер. обл.	Алт. край	Всего		
Русские	7 620 518	5 730 611 (1)	10 523	27 787	20 542	58 852	1,03	65,4
Украинцы	483 105	324 605 (2)	895	3 390	2 445	6 830	2,1	7,6
Татары	161 909	70 033 (4)	167	300	46	513	0,73	0,57
Немцы	101 429	41 597 (9)	479	2 159	2 443	5 081	12,66	5,65
Казахи	99 479	47 588 (6)	2	63	103	168	0,35	0,19
Мордва	89 627	81 862 (3)	66	400	227	693	0,85	0,77
Белорусы	63 923	48 667 (5)	544	1147	759	2 450	5,22	2,72
Чуваши	55 918	45 095 (7)	58	–	21	–	–	–
Ойроты	44 988	44 093 (8)	–	–	–	–	–	–
Коми	24 074	9 140 (15)	3	–	5	–	–	–
Поляки	21 805	14 588 (11)	1 381	2 100	834	4 315	30,2	4,8
Евреи	20 814	14 092 (12)	330	385	126	841	6,5	0,93
Эстонцы	18 831	10 994 (13)	228	615	229	1 072	10,1	1,19
Ханты	18 377	Нет данных	–	–	–	–	–	–
Латыши и латгальцы	18 172	10 757 (14)	440	868	263	1571	14,9	1,75
Шорцы	14 811	14 801 (10)	–	151	1	–	–	–
Ненцы	14 508	12	–	–	–	–	–	–
Удмурты	9 091	8 609 (16)	4	–	5	–	–	–
Манси	5 871	7	–	–	–	–	–	–
Цыганы	4 578	3 340 (18)	3	–	1	–	–	–
Башкиры	3 965	3 468 (17)	16	–	–	–	–	–
Литовцы	3 451	2 894 (19)	83	150	43	276	10,2	0,3

Примечание. В скобках указан рейтинговый показатель численности проживавших.

Следует заметить, что согласно официальным данным переписи 1937 г. (в сравнении с результатами переписи 1926 г.) в РСФСР за счёт миграционных процессов заметно изменился национальный состав населения. Увеличилась доля русских до 85 361 394 чел. (с 78,03 до

82,14%), татар – на 7,66% (с 2 765 208 до 3 697 507 чел.), а число проживавших в РСФСР казахов выросло в 5,5 раза – с 52 485 до 292 099 чел. и т.д.

Одновременно с этим, например, число украинцев сократилось в 2,5 раза – с 6 948 381 до 3 087 022 чел.,

белорусов и поляков – в 1,8 раза – с 612 020 и 197 827 до 349 214 и 92 078 чел. соответственно. В 2,3 раза уменьшилось число латышей и латгалцев – с 126 266 до 54 493 чел., литовцев осталось 3 905 из 28 856 чел., т.е. произошло сокращение в 6,5 раза, и т.д. [3. С. 382–384]. Причины подобных «колебаний» явились, в частности, следствием проводимой руководством страны политики раскулачивания и коллективизации, когда тысячи семей срывались с мест постоянного проживания в поисках укрытия от возможных или действительных преследований со стороны власти. Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на краткое сокращение численности отдельных национальностей в целом по РСФСР, в восточных районах произошло ее увеличение. Так, в 1939 г. в Новосибирской области число украинцев после переписи 1926 г. увеличилось в 2,5 раза, а число казахов – до 20 тыс. чел. В Омской области численность казахской диаспоры выросла вдвое, достигнув 50 тыс. чел., а на Алтае их проживало почти 30 тыс. чел. [3. С. 385–386].

Анализ представленных в табл. 2 данных подтверждает наличие избирательности при репрессировании по национальному признаку по уже названной выше причине. Так, репрессирование 4 315 поляков (30,2%) из 14 588 проживавших было проведено по обвинению в участии в «контрреволюционной» организации «Польская организация Войсковая» (ПОВ), филиалы которой были «выявлены» практически во всех городах, райцентрах и крупных населённых пунктах региона. Необходимо также заметить, что достаточно активно в «контрреволюционной» деятельности «принимали участие» и белорусы (2 450 чел., 5,22%), которым, с учётом близости Белоруссии к панской Польше, также обычно инкриминировали участие в деятельности ПОВ. Число подвергшихся репрессиям представителей прибалтийских государств – эстонцев, литовцев, латышей (и латгалцев) – составило 1 072 (10,1%), 276 (10,2%) и 1571 чел. (14,9%) соответственно. Из числа лиц немецкой национальности репрессиям подверглись 5 081 чел. (12,66%). Но, с другой стороны, несмотря на значительное число проживавших в регионе казахов – 99,5 тыс. чел., число репрессированных составило всего несколько сот человек.

Следует заметить, что часто «контрреволюционные организации» объединяли по несколько десятков и даже сотен человек. «Чистых» по национальному составу организаций было немного. Этого и не требовалось. Наоборот, желание доказать наличие «армии» врагов Советского государства сотрудниками НКВД проявлялось в установлении большого числа связей этих «врагов», независимо от национальной принадлежности, и «доказывании» их преступной деятельности. В этих случаях наличие проходивших по делам лиц других национальностей и даже вероисповеданий заслуживало положительной оценки вышестоящего руководства НКВД.

Бывший начальник УНКВД по Алтайскому краю С.П. Попов впоследствии на одном из допросов показал, что по линии третьего отдела [И.К.] Лазарев развернул аресты инонационалов, которые часто арестовывались и без всякого компрометирующего материала по одному признаку – национальности. Так, например,

Лазарев арестовал 150 поляков-перебежчиков, на которых сфабриковал дела по «низовке» ранее вскрытой организации ПОВ. Таким же порядком Лазарев арестовал около пятисот или шестисот человек латышей, немцев, харбинцев, корейцев и др.

В декабре 1937 г. на территории Немецкого, Славгородского, Андреевского, Ново-Киевского, Знаменского и Хабаровского районов были арестованы 298 (290 немцев, 5 русских, 3 украинца) участников «фашистской шпионско-диверсионно-повстанческой организации». Решением «тройки» УНКВД по Алтайскому краю все участники «организации», в том числе 5 женщин, были приговорены к расстрелу. По делу другой «шпионско-диверсионно-повстанческой организации» – «Общество латышских стрелков», состоящей из латышей, к высшей мере наказания – расстрелу – были приговорены все 50 человек [4. С. 20].

«В январе 1938 г. Рубцовским оперсектором НКВД были арестованы 65 человек немцев из числа жителей Локтевского района... В феврале и июне 1938 г. были арестованы 42 эстонца, проживавших в Змеиногорском, Белоглазовском и Курьинском районах... А по другому делу по группе из 26 шпионов и диверсантов, наоборот, собрали всех «понемногу». По делу проходили немцы, австрийцы, румыны, венгры, украинцы, поляки, чех и словенец» [5. С. 174–178]. Не отставали в работе по «созданию» подобных «контрреволюционных организаций» органы НКВД и в других субъектах Западной Сибири (в рамках современного административно-территориального деления). Иначе и быть не могло, ведь «линейные» приказы НКВД строго требовали и обязывали территориальные подразделения органов НКВД искать и находить таковые. Операции по «национальным организациям» наибольшее распространение получили в 1938 г.

Поиск представителей инонациональностей вёлся сотрудниками НКВД, в первую очередь, через систему оперативных учётов, так как каждое линейное подразделение (на протяжении всей истории органов государственной безопасности) обязано было вести учёты своих «контингентов», постоянно отслеживая их перемещения из одной организации или учреждения в другое либо при смене места жительства, в том числе и в другие населённые пункты. Имелись также оперативные учёты перебежчиков, лиц, возвратившихся в СССР из других стран, поддерживавших связи с родственниками за границей и т.п. Более того, поиск организовывался и через адресные бюро, паспортные столы, спецотделы на предприятиях и в учреждениях, в ЗАГСх и т.п. В случае, когда таковых оказывалось недостаточно в силу объективных причин, органы НКВД начинали отбор по вторичным признакам, например по созвучности и окончаниям фамилий. Так, если фамилия оканчивалась на -ский, то человека автоматически причисляли к полякам и т.д. Помогала также «оперативная смекалка» сотрудников НКВД, оперработников и следователей в одном лице, позволявшая вскрывать контрреволюционные организации исходя из имевшихся возможностей – в разработку брались преобладающие национальные группы населения. Так, в Томске сотрудниками горотдела НКВД были «вскрыты» татарская контррево-

люционная национальная организация «Гаскери-Уешма», немецкая, китайская, корейская, латышская и другие шпионские (диверсионные, вредительские и т.п.) организации.

Такие же национальные «контрреволюционные организации» были характерны и для других субъектов Западной Сибири. На территории Новосибирской области в Мошковском районе были арестованы 43 участника эстонской шпионско-диверсионной террористической организации, по делу бывшего председателя Западно-Сибирского радиокомитета Я.А. Пельдемаа – 13 чел., по делам на М.М. Боровского и М.В. Ляхницкого, обвинявшихся в принадлежности к ПОВ, – 116 чел. и т.д. [6. Т. 15. С. 1–66]. Из основных национальностей, проживавших на территории края, наибольшие потери понесли русские, украинцы, немцы, поляки и белорусы.

Национальной «окраске» организаций соответствовали и вынесенные приговоры. Например, в Томске было расстреляно более 1 200 лиц польской национальности, что составило почти 82% от числа арестованных (большинство из них прошли по делу «Польской организации Войсковой»), татар – 63%, финнов – 84,9%, корейцев – 88,9%, китайцев – 97,3%. На Алтае более всего (в процентном отношении от числа репрессированных) пострадали венгры (73%), румыны (69,23%), белорусы (65,1%), латыши (62,95%), поляки (61,48%), эстонцы (59,6%). В Кузбассе без привязки к рассматриваемому периоду в годы репрессий были расстреляны все арестованные калмыки (15 чел.) и чеченцы (10 чел.). Среди расстрелянных были 89,29% корейцев, 84,7% карелов, 83,8% австрийцев, 83,3% туркмен, 80,16% китайцев, 81,8% латышей, по 80% бурят и ассирийцев, 76,9% узбеков, 76,8% поляков, 58,5% немцев, 57,8% литовцев и т.д. [1. С. 269]. В Томской области были расстреляны практически каждый второй арестованный русский – более 6,5 тыс. чел. [7. Т. 5. С. 9]. В Кузбассе из 28 526 русских были расстреляны 13 692, т.е. 44,33%. На Алтае эти цифры составили 29 144 и 9168 чел. (31,5%).

В целом число репрессированных в рассматриваемый период времени только в Алтайском крае, Кемеровской и Томской областях и Республике Алтай составило около 97 тыс. чел. Данные таблиц однозначно свидетельствуют, что основным контингентом жертв репрессий являлось русское население – более 65% от общего числа репрессированных. Далее идут украинцы (7,6%), немцы (5,65%), поляки (4,8%), белорусы (2,72%), латыши (1,75%) и др. Эти данные являются прямым опровержением досужих рассуждений отдельных иностранных исследователей о том, что «всеобщая программа массового уничтожения» определялась русским национальным шовинизмом и что к смертной казни приговаривалось преимущественно население нерусских национальностей [8. С. 153–154]. Хотя если рассматривать в процентном отношении число репрессированных к проживавшему на территории Западной Сибири населению, то может показаться, что они правы. Однако даже в Ойротии, где коренное население было преобладающим, число репрессированных представителей иных национальностей намного выше числа репрессированных представителей этого корен-

ного населения. Выше уже также отмечались отдельные причины репрессий представителей нерусского населения. Всё это позволяет считать приводимый иностранными исследователями довод надуманным.

Напомню, что в Западной Сибири проживало более ста наций и народностей, а репрессиям подверглись представители менее половины из них. При этом число репрессированных среди мордовского населения (третьего по численности в регионе) составило 0,77%, татар и казахов – четвертых и шестых по численности – соответственно 0,57 и 0,19%. Так, например, из 30 тыс. казахов, проживавших в Алтайском крае и в Республике Алтай, репрессиям подверглись 270 человек. А у отдельных многотысячных по составу коренных национальностей число репрессированных исчислялось десятками человек. Более того, линейных приказов было издано только двенадцать.

Во первых, необходимо учитывать то обстоятельство, что приказы издавались для исполнения по всему СССР без учёта реального проживания в регионах представителей тех или иных народностей. Даже с учётом насильственных депортаций периода Великой Отечественной войны общее число народов, подвергшихся репрессиям, исчисляется несколькими десятками.

Во-вторых, наличие оперативных учётов в органах НКВД и регулярное обновление их через систему властных структур в стране позволяло отслеживать необходимые «оперативные» контингенты, незамедлительно проводя их аресты в случае надобности.

В-третьих, следует учитывать наличие регулярно поступающих от руководства НКВД указаний и команд о необходимости скорейшего «выкорчёвывания» вражеских агентов, диверсантов и шпионов, что без очевидной фальсификации материалов сделать было невозможно, на что шли сотрудники органов НКВД на местах. В случае отсутствия необходимых национальных контингентов ими производились аресты любых других инонационалов, как в описанном выше примере по Алтаю, когда в числе 26 «шпионов и диверсантов» оказались представители 8 национальностей. В других случаях при недостатке представителей нужных национальностей и арестах десятков человек необходимые националы объявлялись руководителями «вскрытых» «контрреволюционных организаций», но с нужной национальной окраской.

Подводя итоги, можно констатировать, что большевистское руководство страны в борьбе со своими оппонентами из числа «бывших», представителей политических партий и движений, духовенства, а также «наличествовавшей» в стране «пятой колонной», периодически меняло свои приоритеты при проведении репрессивной политики. Если на протяжении 1920-х гг. национальный аспект учитывался в меньшей степени или не учитывался вообще, то в 1930-е гг., особенно в период 1937–1938 гг., он во многом стал определяющим в политике репрессий. Вне всякого сомнения, не без согласования с партийно-советским руководством страны органами НКВД СССР были подготовлены и направлены во все территориальные органы приказы, констатирующие вскрытие крупных (в масштабах всей страны или нескольких регионов) «контрреволюционных организа-

ций», имевших конкретную национальную окраску. В связи с этим предлагалось организовать работу по вскрытию и ликвидации филиалов этих организаций на местах. Приказами также определялся строгий порядок отчётности перед вышестоящими органами о результатах проведённой работы.

Ложный посыл об обострении классовой борьбы по мере построения социализма, высказанный Сталиным, стал доминирующим на протяжении ряда лет, в частности для правоохранительных органов страны. Многие события и явления повседневной жизни стали рассматриваться под этим углом, что в конечном итоге привело к массовым арестам невинных граждан, про-

изволу и беззаконию. Политическую окраску получали даже хозяйственные преступления, всевозможные случаи невыполнения планов, поломок оборудования, машин, инвентаря и т.п. Органами НКВД по всей стране были «вскрыты» сотни «контрреволюционных организаций», «насчитывавших» десятки и сотни участников, ставивших своей целью свержение Советской власти. В 1937–1938 гг. размах репрессий достиг своего пика, только в Западной Сибири аресту были подвергнуты десятки тысяч человек. В настоящее время практически абсолютное большинство этих «национальных врагов» органами прокуратуры реабилитированы за отсутствием состава преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Уйманов В.Н.* Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.). Томск : Изд-во Том. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2011. 330 с.
2. *Архив УФСБ РФ по Томской области.* Д. П-2980.
3. *Население России в XX веке: Исторические очерки* : в 3 т. Т. 1. 1900–1939 / отв. ред. В.Б. Жиромская. М.: РОССПЭН, 2000. 463 с.
4. *Жертвы политических репрессий в Алтайском крае.* Барнаул : Упр. Арх. дел АК, 1998. Т. 3. Ч. 1.
5. *Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965.* Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2005. 432 с.
6. *Архив УФСБ РФ по Новосибирской области.* Д. 18477 о/ф. Л. 1-66.
7. *Боль людская. Книга Памяти репрессированных томичей.* Томск : Изд-во Том. ун-та. 1999. Т. 5. 384 с.
8. *Кип Джон, Литвин Алтер.* Эпоха Сталина в России. Современная историография / пер. с англ. В.И. Матузовой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. 328 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 декабря 2011 г.